

И.В. Ковтун

Нонфигуративность андроновского искусства: идеи, факты, интерпретации

Ключевые слова: андроновская культура, искусство, нонфигуративность.

Существуют различные точки зрения относительно форм и характера изобразительной деятельности андроновского населения. Поэтому предполагаемые случаи связи фигуративных изображений с собственно андроновскими древностями всегда вызывают повышенный исследовательский интерес. При этом имеются различные степени оценки возможности андроновцев создавать фигуративные изображения. Так, например, А.А. Формозову принадлежит категоричный тезис об андроновском искусстве: «...достаточно однообразно орнаментированных сосудов» [1, с. 225], а Я.А. Шеру предположение о выделении петроглифов срубно-андоновского времени из числа среднеенисейских геометризованных наскальных изображений [2, с. 232–233]. На андроновской принадлежности серии петроглифов Саймалы-Таша и Тамгалы настаивает Е.Е. Кузьмина, полагающая, что в монументальной скульптуре, мелкой пластике и наскальных изображениях андроновцы воспроизводили образы коня и верблюда [3, с. 112–128]. Но, к сожалению, приведенное суждение не сопровождается аргументированным опровержением андроновского аниконизма, поэтому обратимся к предметным примерам.

Фигуративные изображения известны на плитах внутримогильных сооружений могильников Карадук II и Тамгалы II [4; 5, с. 14–16], оставленных позднеандоновским (или андронидным) населением Южного Казахстана и Семиречья. Плиты с рисунками, безусловно, переиспользованы [5, с. 15–17], представленная на них изобразительная традиция сложилась в юго-западном Семиречье до появления населения, оставившего эти захоронения [6, с. 318]. Еще одно фигуративное изображение зафиксировано в андроновском могильнике Самара. Здесь на плите ограды 3 с внешней стороны обнаружили изображения лошади и тамгообразного знака [7, с. 58, 64, рис. 159]. Могильник андроновский, но погребение в этой ограде разграблено, и в нем кроме кальцинированных костей найдены обломок бронзовой подвески в полтора оборота, фрагмент неорнаментированной керамики и каменный курант [7, с. 58]. Иначе говоря, ничего, что подтверждало или опровергало бы андроновскую принадлежность данного погребения. Изображение лошади напоминает силуэтную группу

варчинской изобразительной традиции. Напрашивается и аналогия со среднеенисейскими и тувинскими петроглифами с элементами «проволочного стиля», отличающимися «наложением» задних конечностей на круп животного для отображения его «разворота в фас» [8, с. 117, табл. 84; с. 118, 121, табл. 86, VIII]. Перечисленные стилистические признаки появляются не ранее финала II тыс. до н.э., а скорее, на рубеже II–I тыс. до н.э. – в первых веках I тыс. до н.э. Следовательно, либо погребение в ограде 3 андроновское, но синхронно указанному периоду, что маловероятно, либо рисунки принадлежат постандроновской культуре. Наконец, плита с рисунками могла переиспользоваться андроновцами (?) при сооружении захоронения. Правда, в этом случае хронология андроновского комплекса могильника Самара перестает укладываться в общепринятую периодизационную последовательность степных культур эпохи бронзы Северо-Западной Азии. В любом случае обоснованной аргументации о связи петроглифов на плитах ограды с андроновскими погребениями нет.

Самостоятельный круг вопросов, сопряженных с проблемой андроновского аниконизма, сложился вокруг серег с раструбом и парными фигурками лошадей из могильников Мыншункур (Мын-Шункур) и Чесноково I [9, с. 7–9; 10, с. 34–35] (рис. 1-1, 2). Существует устойчивое мнение об андроновской культурной принадлежности мыншункурской и чесноковской находок [10, с. 33–35; 11, с. 260; 12, с. 124–126; 13, с. 26–30, 14, с. 44, 51]. Рассмотрим обоснованность данного представления.

Могильник Мыншункур не содержит материалов, позволяющих считать его андроновским. Орнамент на сосудах отсутствует, могилы разграблены, а каменные ящики и цисты [9, с. 7–8] не означают принадлежности к андроновским древностям. Цисты характерны для позднеандоновского периода и ряда постандроновских – андронидных образований. К их числу, вероятно, относится и предметный комплекс Мыншункура, включая серьгу со стилизованными фигурками лошадей, разительно отличающимися от сейминских прототипов. Раструб, служащий замком мыншункурской серьги, остается единственным доводом в пользу андроновской атрибуции памятника. Но именно этот «этнографический индикатор» андроновских сообществ обнаруживается и в гибридных раннеандронидных комплексах ЕК – II, Черноозерье I, а также в материалах таутаринского типа и др. [15,

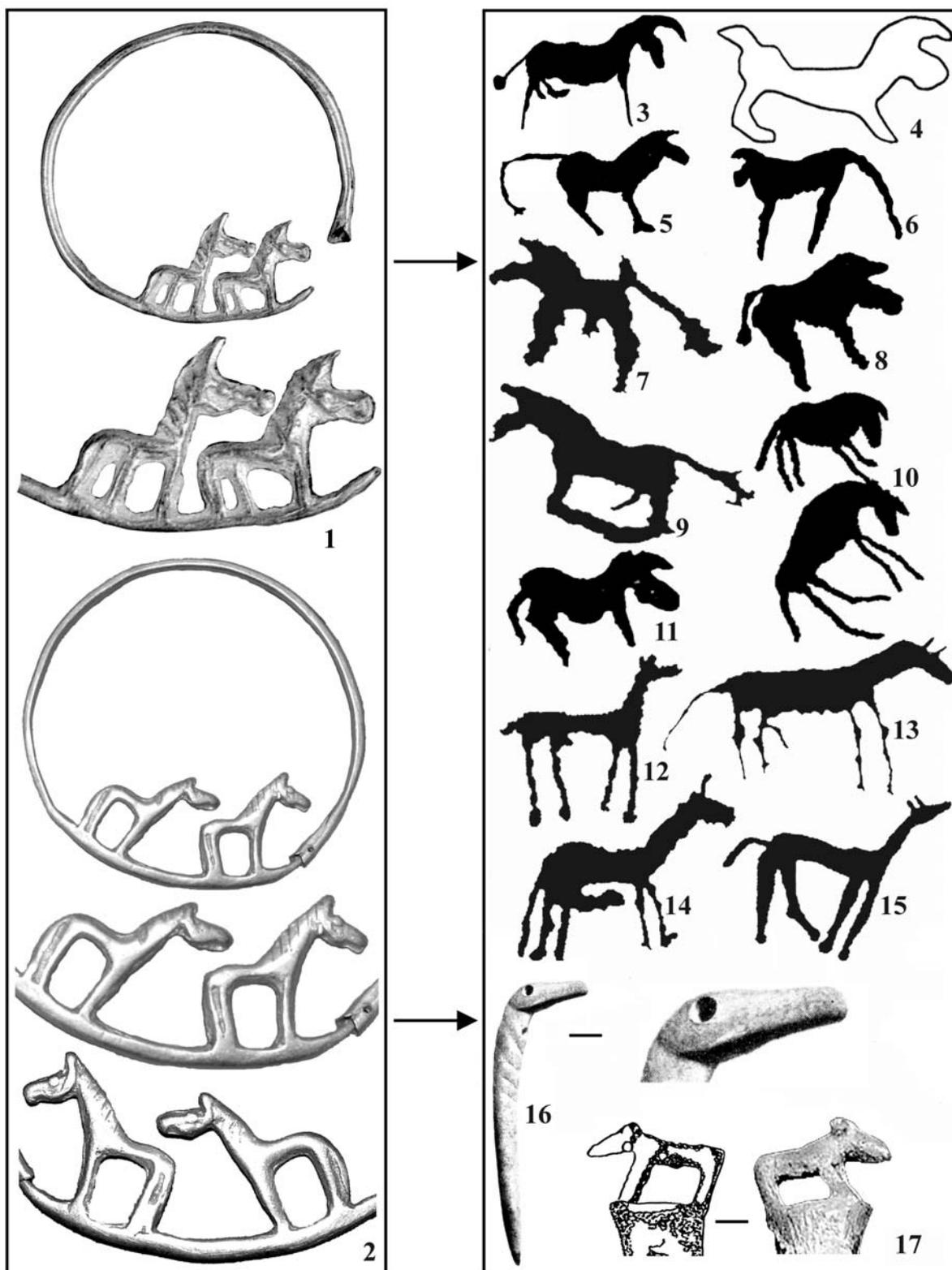

Рис. 1. Стилистические параллели скульптурным изображениям лошадей. 1 – Мыншункур; 2 – Чесноково I; 3, 5 – Цагаан Гол; 4 – цилиндрическая печать из Маргианы; 6 – Цагаан Салаа I; 7 – Сагыр; 8 – Саймалы-Таш; 9, 11 – Мойнак; 12, 13, 15 – Бычиха; 14 – Окей; 16 – берег пролива, соединяющий оз. Варча и долину оз. Сухого; 17 – Курчум (по Акишеву, Грушину, Жумабековой, Исаевой, Кирюшину, Ковтуну, Кубареву, Леонтьеву, Максименкову, Масимову, Миклашевич, Новоженову, Самашеву, Сарияниди, Советовой, Цэвээндоржу, Шеру, Шульге, Якобсон-Тепфер)

с. 51–53; 16, с. 309]. Андронидное происхождение, скорее всего, присуще и находкам из могильника Мыншункур.

Иные обстоятельства характеризуют нахождение чесноковского изделия. Погребение, названное курганом I могильника Чесноково I, обнаружилось при обвале стенки песчаного карьера. Обнажившийся каменный ящик не был заполнен грунтом, и, по мнению авторов публикации, это «позволило местным жителям беспрепятственно похитить все вещи, череп, крупные кости скелета (скелетов?)» [10, с. 33]. Исследователи сообщают, что позднее удалось вернуть как будто происходящие из этого захоронения керамический сосуд и золотую серьгу с фигурками лошадей [10, с. 33; 13, с. 26]. Отдавая должное усилиям коллег, материалы обнаруженные не *in situ*, конвенционально не могут удостоверить время сооружения комплекса. Очевидность подобного допущения сопровождается и другими противоречиями. Редкое для андроновцев каменное статуарное сооружение в погребении и уникальная серьга с фигурками лошадей – слишком много для одного, судя по сосуду, рядового андроновского (?) захоронения. Симптоматично и описание участка местонахождения чесноковского погребения и якобы происходящих из него вещей. Данные сведения почерпнуты из другой работы, цитата из которой, возможно, многое объясняет: «Помимо разрушаемого карьером курганного могильника Чесноково 1, обследовано еще два неподалеку расположенных курганных могильника – Чесноково 2 и 3. Установлено, что основная площадь могильника Чесноково 1 уничтожена. По сообщениям местных жителей, при добыче песка неоднократно находились человеческие кости, черепа, вещи из бронзы и золота. Здесь же, на террасе р. Чарыш выявлены участки поселенческого слоя эпохи бронзы: керамика, каменные песты и зернотерки. Всего в кромке обрыва исследовано четыре погребения: андроновское, два ирменских и раннекифское» [12, с. 124].

Каменный столб из чесноковского комплекса находит параллели в андроновских могильниках Орак, Усть-Ерба, Косоголь III (Средний Енисей), Предгорное, Аир-Тау, Средняя база Беткудук (Восточный Казахстан) и Танай-12 (Кузнецкая котловина) [17, с. 32–73; 18, с. 206–210; 19, с. 43–44; 20, с. 77; 21, с. 74; 22, с. 227–228; 23, с. 28; 24, с. 35–36]. Кроме того, имеются сведения относительно могильного комплекса Бугулы. Сообщается, что «В бугулинской группе почти у каждого погребения с западной стороны могильной ямы стоит плита, обращенная плоскими сторонами по линии с востока на запад. По-видимому, это изголовная стела» [25, с. 63, 65]. Традиция установки каменных статуарных сооружений над местом погребения или в непосредственной близости от него зафиксирована в бегазы-дандыбаевских, переходных от бронзы к раннему железному веку (Темир-Канка,

Измайловка), ирменских (Журавлево IV, Танай VII, Камень I), лугавском (курган Уй) и раннекифских (Тыткескень VI, Бийке) комплексах [26, с. 69–111; 23, с. 48–49, 87; 27, с. 80–81; 28, с. 335; 29, с. 62–64; 30, с. 80, 84; 31, с. 57–58, 159, рис. 12, с. 172, рис. 25, с. 178–179, рис. 31–32; 32, с. 22]. Г.Б. Зданович пишет о крупных камнях менгирах, стоящих рядом с надмогильными сооружениями южноуральских андроновских некрополей Путиловская Заимка II и Приплодный Лог I [33, с. 147]. Как минимум, пять из восьми андроновских каменных столбов сочетались с цистой, являющейся типично позднеандоновской погребальной конструкцией: Орак, Усть-Ерба (в одной ограде), Косоголь III, Аир-Тау, Средняя база Беткудук (в одной ограде с пристройкой). Более поздние статуарные комплексы вообще не нуждаются в комментариях. Поэтому даже допуская вероятность происхождения чесноковской серьги из погребения с каменным столбом, его нижняя дата определяется позднебронзовой эпохой. Но учитывая вышеприведенный перечень статуарных сооружений и нахождение сосуда не *in situ*, культурная принадлежность чесноковского захоронения вовсе не очевидна.

Чесноковская металлопластика являет собою прямую аналогию петроглифам варчинской изобразительной традиции, датируемой финалом II – началом I тыс. до н.э. Стилистически схожее с чесноковскими изображениями и варчинскими петроглифами костяное изделие происходит из среднеенисейского могильника карасукского времени. Как у чесноковских, так и у мыншункурских лошадок имеются общие черты с гиппоморфными навершиями кинжалов постсейминского типа [34, с. 277–284] (рис. 1-1, 2, 17; 2-1, 2). Подобно сходству чесноковских скульптурок с петроглифами варчинского стиля (рис. 1-2, 12-15), мыншункурские лошадки также обнаруживают соответствия в петроглифах Монгольского Алтая, Среднего Енисея, Восточного и Центрального Казахстана и некоторых сопредельных территорий (рис. 1-3, 5-11). З.С. Самашев датирует подобные наскальные рисунки завершающим этапом эпохи бронзы по изображению кинжала с зооморфным навершием, имеющим аналогии на оленных камнях и в карасукских бронзах [35, с. 152–154]. Хронологически значим для мыншункурских скульптурок стилистически схожий рисунок лошади из урочища Мойнак (рис. 1, 11), зафиксированный на одной плоскости с изображением карасукоидного кинжала [35, с. 44, рис. 51]. Высокие нависающие «челки» мыншункурских лошадок, мойнакского и им подобных изображений обнаруживают стилистически близкую параллель на маргианской цилиндрической печати, оттиск которой прокатан на стенке глиняного сосуда из Таип-депе 1 [36, с. 143–147, рис. 12; 37, с. 41, 43, рис. 8, 14] (рис. 1-4). Правда, И.С. Масимов полагает, что здесь запечатлена не лошадь с нависающей «челкой», а лев «с тупой мордой и взлохма-

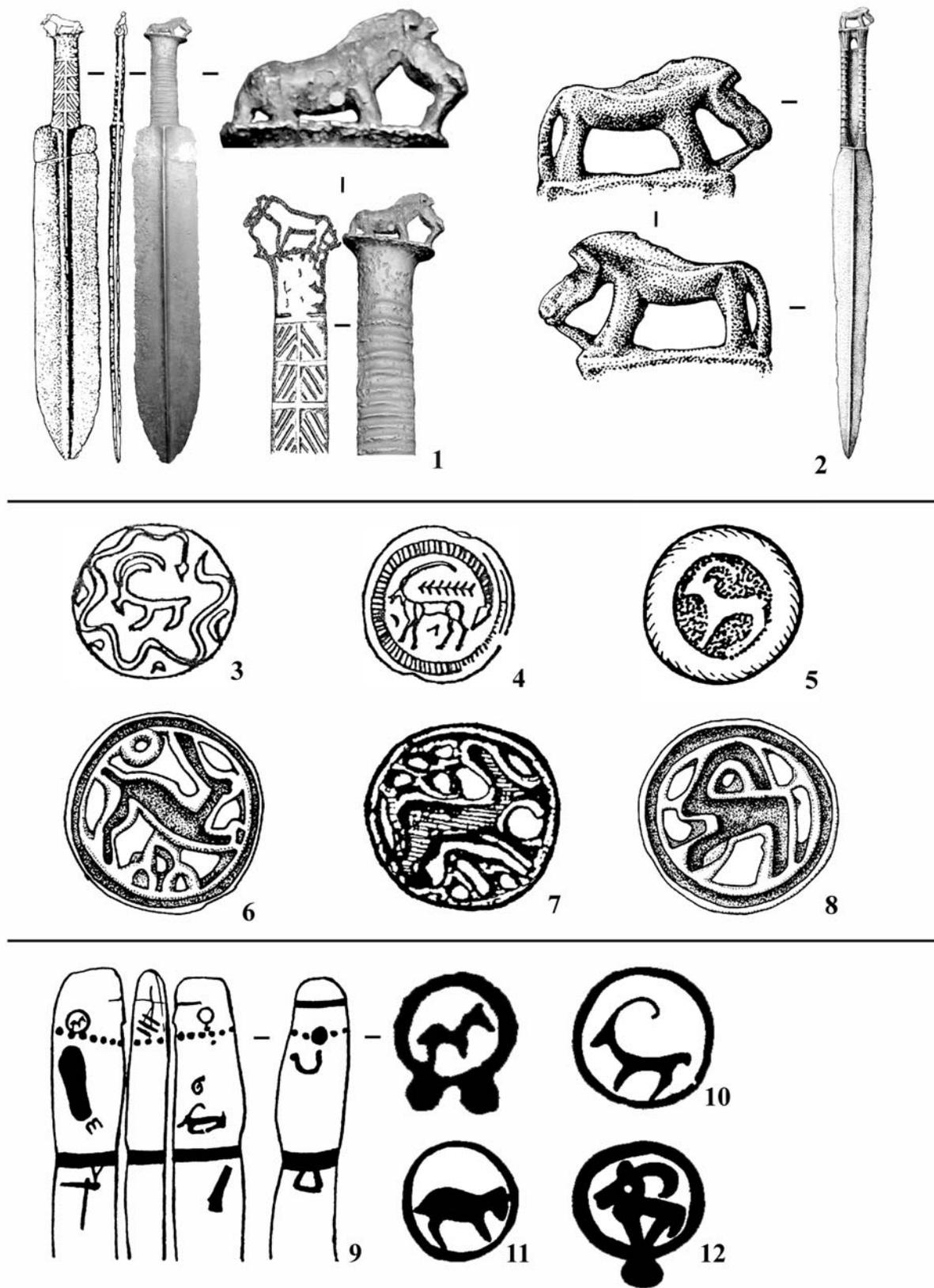

Рис. 2. Кинжалы постсейминского типа, печати из Бактрии и Маргианы и изображения с оленных камней.
 1 – г. Шемонаиха; 2 – с. Чарышское; 3, 4 – Тепе Гиян; 5 – Таип-депе I; 6, 7, 8 – прорезные бактрийские печати;
 9 – Самагалтай II; 10–12 – фрагменты изображений с оленных камней (по Антоновой, Багестани, Грушину, Жумабековой, Кирюшину, Килуновской, Масимову, Новгородовой, Самашеву, Семенову)

ченной гривой». Но на этом сосуде есть отпечаток льва с другой цилиндрической печати, и это изображение существенно отличается от рассматриваемого [36, с. 144–147, рис. 10–12; 37, с. 43, рис. 8, 13, 14]. Поэтому нет никаких иконографических оснований считать изображение лошади изображением льва. Аналоги отпечаткам из Таип-депе 1 известны в Месопотамии на поселении Телл Римака, где они датированы среднеассирийским периодом 1300–1000 гг. до н.э. [36, с. 149]. Ближкое время следует предполагать для отпечатков цилиндров Таип-депе 1 с изображением лошади с нависающей «челкой» (рис. 1-4), для мыншункурских скульптурок (рис. 1-1) и для наскальных изображений лошади с подобной изобразительной деталью из Северо-Западной и Центральной Азии (рис. 1-3, 5, 11).

Симптоматичны и особенности расположения бронзовых гиппоморфных фигурок на серьгах с раструбом из Мыншункура и Чесноково I. Способ крепления типологически подобных серег описывает Н.А. Аванесова: «Конец заостряли, очевидно, для удобства продевания серьги в мочку уха и для запираания» [15, с. 51]. Но местоположение мыншункурских и чесноковских изображений алогично предназначению снабженных ими украшений. Вопреки утилитарной целесообразности скульптурные группы обоих изделий из всех возможных занимают самое «неудобное» место. Находящиеся у заостренного окончания серьги фигурки препятствовали ее вдеванию в ухо или иную часть тела острым концом (рис. 1-1, 2). Это не исключает менее приемлемого и, вероятно, более болезненного закрепления украшения через раструб. Но пренебрежение функционально оптимальной конструкцией указывает на имевшуюся для этого серьезную причину. Полагаю, она обусловлена существовавшим иконографическим канонам, отображавшим смысловое значение композиции. Лошадки должны были изображаться исключительно так, как они изображены: у заостренного конца серьги, мордами, обращенными в сторону раструба (рис. 1-1, 2). Поэтому скульптурные образы украшений и размещались на самом «неудобном» для закрепления серег месте. Так, за противоречием между утилитарными и фигуративными деталями изделий проступает решающий фактор семантической составляющей последних. Она сводится к формуле: «гиппоморфная пара внутри серпентоморфного кольца». Именно такая интерпретация чесноковского украшения предложена в работе Ю.Ф. Кирюшина и Г.Е. Иванова: «на «алтайской» серьге кони стоят на туловище змеи, заглатывающей свой хвост» [14, с. 44]. Исследователи не аргументируют свое предположение. Но особенности серьги позволяют это сделать. Сквозное отверстие в раструбе чесноковского изделия лишено практического смысла, напоминая изображение глаза серпентоморфного существа. Возможно, истоки рассматриваемой ком-

позиции восходят к среднеазиатским источникам. Здесь известны мизансцены со схожей организацией и компоновкой персонажей. Е.В. Антонова указывает на печати из Тепе Гияна, передающие изображение козла, окруженного змеей [38, с. 158, 164, рис. 20, 3-6] (рис. 2-3, 4). Козел, заключенный в круге, запечатлен на цилиндрической печати с Таип-депе 1 [36, с. 144, рис. 9, б, в] (рис. 2-5), а также на прорезных бактрийских печатях (рис. 2-6-8). Гораздо позднее единичные изображения козла в сереге-круге появляются на оленных камнях [39, с. 199] (табл. 2-9-12).

Ю.И. Михайлов обобщил ряд изображений лошадей и козлов в круге. Автором приводятся примеры чесноковской и мыншункурской серег, лошади в круге, запечатленной на тувинском оленном камне (Чингатаг), лошадей в круге, нанесенных на северокавказские камни-обелиски из Зубовского кургана и из кургана у станицы Усть-Лабинской, а также тагарских бронзовых ножей с кольцевидными навершиями, внутри которых заключены фигурки козлов [40, с. 181–182]. Еще об одном тувинском оленном камне Самагалтай II, на котором «в круге – серьге выбито изображение стоящей лошади, как на Усть-Лабинском камне», упоминает Д.Г. Савинов [41, с. 126] (табл. 2-9). Все это, по мнению Ю.И. Михайлова, дает основания полагать, что «установленная связь иконографического образа коня в круге с погребальной стелой в андроновской традиции имеет принципиально важное значение для понимания генезиса саяно-алтайских «оленных» камней, лишенных изображений животных» [40, с. 182]. Но лежащую в основании данной конструкции «установленную связь» между серьгой из Чесноково I и «стелой в андроновской традиции» сложно считать установленной. Более реалистична параллель между чесноковской и мыншункурской серьгами с фигурками лошадок и серьгами с заключенными в них зооморфными персонажами, изображенными на оленных камнях.

В этом контексте небезынтересно обобщение Д.Г. Савинова о круговом принципе построения гиппоморфных композиций карасукской изобразительной традиции [42, с. 204]. Возможно, влиянию этой иконографии обязаны и золотые серьги со скульптурками лошадей из Мыншункура и Чесноково I. В этот исторический период распространяются культурные образования, изобразительная деятельность которых сочетала постандроновский геометризм и унифицированные фигуративные образы. В качестве примера можно привести еловский культурный комплекс. Здесь соединились унаследованный от андроновцев орнаментальный геометризм, традиция изготовления зооморфной скульптуры, а также известен рисунок на сосуде, стилистически близкий варчинским изображениям [8, с. 66–73, табл. 46; с. 124, табл. 87]. Этот «иконаграфический симбиоз» свидетельствует, что фигуративные изображения появляются в комплексах с выраженным андроновским субстратом

только на стадии формирования свиты андронидных культур.

Еще один подобный случай связан с могильником Боровянка XVII в Среднем Прииртышье. Авторы находки сравнивают его с памятниками черноозерского типа, отнесенными М.Ф. Косаревым к черноозерско-томскому варианту андроновской культурно-исторической общности [43, с. 118–121]. Но в свете боровянского находок они нуждаются в переосмыслении и уточнении культурной принадлежности [44, с. 55–60]. Подобно мыншункурской и чесноковской серьгам с растробом, найденным в одноименных захоронениях, в могильнике Боровянка XVII обнаружили бронзовые андроновские изделия, а с ними: 7 бронзовых антропоморфных изображений, отлитых в односторонних формах,

в круге и без него [44, с. 57]. Таким образом, собственно андроновские изделия сочетались с фигуративными изображениями не в андроновском, а в раннеандроноидном комплексе.

Критически оценивая вышеприведенный вывод А.А. Формозова об однообразии андроновского декора, невозможно отрицать отсутствие бесспорных фактов, опровергающих представление о нефигуративности искусства андроновцев. Как правило, принадлежность фигуративных изображений к числу андроновских древностей не доказывалась, а провозглашалась. Но при детальном анализе предполагавшихся случаев сопряженности фигуративных изображений с собственно андроновскими комплексами бесспорных подтверждений этому не находится.

Библиографический список

1. Формозов, А.А. Очерки по первобытному искусству / А.А. Формозов. – М., 1969.
2. Шер, Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я.А. Шер. – М., 1980.
3. Кузьмина, Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня / Е.Е. Кузьмина. – Фрунзе, 1986.
4. Максимова, А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук / А.Г. Максимова // Труды ИИАЭ АН КазССР. – 1961. – Т. 12.
5. Рогожинский, А.Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы / А.Е. Рогожинский // История и археология Семиречья. – Вып. 2. – Алматы, 2001.
6. Ковтун, И.В. Искусство и ремесло: к проблеме нефигуративного характера андроновского изобразительного творчества / И.В. Ковтун, Ю.И. Михайлов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – Т. VII.
7. Ткачев, А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. / А.А. Ткачев. – Тюмень, 2002. – Ч. 2.
8. Ковтун, И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии / И.В. Ковтун. – Новосибирск, 2001.
9. Акишев, К.А. Происхождение «звериного» стиля в изобразительном искусстве саков / К.А. Акишев // Маргулановские чтения. 1990. – М., 1992. – Ч. I.
10. Кирюшин, Ю.Ф. Андроновские погребения на реке Чарыш / Ю.Ф. Кирюшин, П.И. Шульга // Известия Алтайского государственного университета. – 1996. – №2.
11. Кузьмина, Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев / Е.Е. Кузьмина. – М., 1994.
12. Шульга, П.И. Аварийные работы на реке Чарыш / П.И. Шульга, А.А. Казаков, С.Д. Ведянин, В.П. Семибратов, С.М. Ситников // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. VIII. – Барнаул, 1997.
13. Кирюшин, Ю.Ф. Андроновское погребение на реке Чарыш / Ю.Ф. Кирюшин, П.И. Шульга // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 гг. – Новосибирск, 2000.
14. Кирюшин, Ю.Ф. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново-V на Алтае / Ю.Ф. Кирюшин, Г.Е. Иванов // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул, 2001.
15. Аванесова, Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям) / Н.А. Аванесова. – Ташкент, 1991.
16. Матющенко, В.И. Еловский II могильник. Доирменские комплексы / В.И. Матющенко. – Омск, 2004.
17. Комарова, М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак / М.Н. Комарова // АСГЭ. Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. – 1961. – Вып. 3.
18. Киселев, С.В. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии / С.В. Киселев // СЭ. – 1935. – №4–5.
19. Киселев, С.В. Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев // МИА. – 1949. – №9.
20. Михайлов, Ю.И. Опыт реконструкции соматического кода в традиции использования оленных камней / Ю.И. Михайлов // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово, 1999.
21. Рахимов, С.А. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде (Красноярский край) / С.А. Рахимов // КСИА. Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. – Вып. 114. – М., 1968.
22. Куц, Г.А. Могильник Аир-Тау в Восточном Казахстане / Г.А. Куц // Маргулановские чтения. – Алма-Ата, 1989.
23. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987.
24. Ковтун, И.В. Андроновские погребения с западного берега озера Танай / И.В. Ковтун, В.С. Горяев // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Зап.-Сиб. арх.-этногр. конф. – Томск, 2001.
25. Маргулан, А.Х. Древняя культура Центрального Казахстана / А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев. – Алма-Ата, 1966.
26. Маргулан, А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура / А.Х. Маргулан. – Алма-Ата, 1979.

27. Бобров, В.В. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4 / В.В. Бобров, Т.А. Чикишева, Ю.И. Михайлов. – Новосибирск, 1993.
28. Михайлов, Ю.И. К проблеме исследования коммуникативной символики каменных стел и изваяний в контексте палеосоциологического анализа комплексов эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири / Ю.И. Михайлов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. – Новосибирск, 2000.
29. Новиков, А.В. Исследования на могильнике ирменской культуры Камень I / А.В. Новиков // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001.
30. Боковенко, Н.А. Новые погребальные памятники на юге Хакасии / Н.А. Боковенко, П.И. Сорокин // Южная Сибирь в древности. – СПб., 1995.
31. Кирюшин, Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время / Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. – Барнаул, 1997.
32. Бобров, В.В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай 4А / В.В. Бобров // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово, 1999.
33. Зданович, Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации) / Г.Б. Зданович. – Свердловск, 1988.
34. Ковтун, И.В. Изображение младенца с кинжалом (постсейминский тип кинжалов в контактной зоне Евразийской и Центральноазиатской металлургических провинций) / И.В. Ковтун // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Ч. I. – Новосибирск, 2004.
35. Самашев, З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья / З.С. Самашев. – Алма-Ата, 1992.
36. Масимов, И.С. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовой Мургаба / И.С. Масимов // СА. – 1981. – №2.
37. Сарияниди, В.И. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э. / В.И. Сарияниди // СА. – 1986. – №2.
38. Антонова, Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии / Е.В. Антонова. – М., 1984.
39. Новгородова, Э.А. Древняя Монголия. Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории / Э.А. Новгородова. – М., 1989.
40. Михайлов, Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы) / Ю.И. Михайлов. – Кемерово, 2001.
41. Савинов, Д.Г. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков / Д.Г. Савинов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М., 1977.
42. Савинов, Д.Г. Реалистические изображения лошадей скифского времени и сейминская изобразительная традиция / Д.Г. Савинов // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. – Омск, 2000.
43. Косарев, М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири / М.Ф. Косарев. – М., 1981.
44. Погодин, Л.И. «Шаманские» погребения могильника эпохи бронзы Боровянка-ХVII в Среднем Прииртышье / Л.И. Погодин, А.В. Полеводов // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003.